

«ПРИЗРАК» пересекает ЗАМБЕЗИ

П О В Е С Т Ь

ЛЕВ БЕРИНГОВ

ИГЛА С ЯДОМ

ДЕНЬ был рассчитан по часам: завтрак, встреча с местными журналистами, несколько интервью, обед и сон. Послеобеденный сон перед серьезной работой был не прихотью и не данью возрасту, но частью тщательно разработанного плана.

Согнав душем остатки дремоты, Моффет осторожно выглянул в окно. В косой тени предзакатного солнца на обочине тротуара рядом с велосипедом клевал носом африканец-разносчик. На этот раз его корзина на багажнике была наполнена апельсинами. Моффет иронически улыбнулся: этого разносчика он уже дважды замечал у себя в кильватере. Сомнений не было, Найджел твердо решил записать в свой актив тайную явку ЗАПУ в Солсбери и приставил к нему соглядатаев.

Смахнув портьерой пыль с обуви, Моффет не спеша стал собираться. Он тщательно проверил содержимое своего саквояга, хотя знал заранее, что никаких улик в нем не будет и быть не может. Но дополнительная предусмотрительность никогда еще не вредила ни одному разведчику, а ему, «Призраку», дважды спасала жизнь. После извещения об исчезновении журналиста, прибывшего из Южно-Африканской Республики («Новый акт террора кафров!»), «Похищен среди бела дня черными убийцами!»), дотошные коллеги перетряхнут здесь все вверх дном.

Он взял с собой лишь брелок-фонарик, забавную блестящую игрушку. Если нажимать с торца, фонарик вспыхивал веселым зеленым огоньком. Боковая кнопка включения предназначалась для врагов. Улыбнувшись, словно вспомнив нечто забавное, Моффет сунул в карман брюк свое единственное, но верное оружие и вышел из номера. Старинные часы в конце коридора размеренно пробили семь.

Спустя час Моффет пересек железнодорожное полотно, разделяющее город белых и квартал Харари — старейшую локацию для африканцев Солсбери. Слева осталось европейское кладбище, заселенное печальными мраморными ангелами.

Продолжение. См. «Азия и Африка сегодня» № 4—5 за 1969 год.

Миновав вереницу заключенных и заброшенных лавчонок, Моффет остановился около запертого замка фотоателье и внимательно вгляделся в витрину с белозубыми красотками — в ее стекле, как в зеркале, отразилась курчавая голова разносчика, осторожно выглянувшая из-за угла крайней лавки.

Моффет неспешно порылся в карманах брюк, достал сигареты, зажигалку, закурил. Слово нечаянно, он выронил из кармана брелок. Золотистый фонарик, блеснув в лучах заходящего солнца, оскунулся в пыль. Оглянувшись по сторонам — дорога по-прежнему была пустынна в этот вечерний час, — Моффет свернул на боковую тропинку и зашагал вдоль бетонной стены фабрики — кожаной, судя по запаху. Повернув за угол, он долго ждал. Никто, конечно, не появлялся. Моффет прекрасно представлял себе, что должно было произойти. Заинтригованный забавной игрушкой, шпион подобрал ее и, разумеется, не удержался от соблазна испробовать в действии, нажав на боковую кнопку включения, единственно заметную. В ту же секунду в палец его вонзилась короткая тонкая игла, впрыскивая под кожу парализующий яд. Не смертельный, впрочем, если у человека здоровое сердце, но достаточный для того, чтобы мгновенно усыпить по крайней мере на сутки.

Вздохом выразив свое осуждение неистребимому человеческому любопытству, Моффет обогнул забор фабрики. За ним вдоль немощеной улицы светлыми пятнами вытянулась шеренга одноэтажных квадратных домов. Восемь окон, четыре двери, четыре квартиры, уборная во дворе. Перед домами у керосиновых рожков на короточках сидели женщины, судача о разных разностях. Пожилой африканец в пижаме, прислонившись спиной к дереву, играл на самодельном музыкальном инструменте. Доска с медными струнами и приколоченным к ней для резонанса жестяным бидоном издавала медленные, падающие словно капли дождя, тягучие звуки. В них слышалась и песня флейты, и звон гитары, и скрип насоса.

Моффет присел к стенке сарая, ожидая, пока африканцы разойдутся по домам. Его серый костюм сливался с оштукатуренной стеной. Темнота сгущалась с каждой минутой. Трубы городской

электростанции уже едва проступали на чернеющем небе.

Через час улица опустела. В окнах зажглись и почти сразу вновь погасли огни. Моффет встал и, натыкаясь на кусты релейника, вошел во двор дома наискосок от сарая. Пригнувшись у окна, он осторожно постучал. Раз, потом с перерывом еще дважды. Мужской голос спросил с крыльца на плохом английском языке:

— Кто стучит в такой поздний час?

— Я друг Джошуа,— шепотом ответил Моффет.— И нуждаюсь в помощи.

— Мюкайя готов помочь другу,— отозвался хозяин, блестя в темноте белками глаз.— Входите, только быстрее.

Мюкайя провел гостя в крошечную кухню и зажег примус. Моффет с любопытством огляделся. Стол, два ящика вместо стульев, грудка кастрюль в углу, грубые кирпичные стены; единственное окно было закрашено и, судя по всему, никогда не открывалось. От цементного пола тянуло сыростью.

— Я от Джошуа,— повторил Моффет пароль.— И нуждаюсь в помощи.

Выпуклый лоб африканца влажно блестел в голубоватом мечущемся свете горелки. Круглое молодое лицо его было спокойно, но глаза из-под нависших бровей смотрели настороженно.

— Это не так-то просто,— отрывисто бросил он наконец.— Откуда вы знаете наш адрес?

— Наверное, мне сообщил его Ян Смит,— раздраженно отрезал Моффет.— Я только что от премьера.

Резкость подействовала. Тон Мюкайи стал менее враждебным.

— Хвоста за вами не было? — спросил он деловито.

— Я оторвался,— успокоил его Моффет.— Не впервой.

— Что вам нужно? — спросил Мюкайя, прикуривая от горелки.

— Я же сказал — помощи! — Моффет тихо рассмеялся.— Я журналист и пишу книгу о борцах с расизмом в Южной Африке. Мне необходимо поехать к партизанам.

Мюкайя помолчал, раздумывая.

— Хорошо,— сказал он, гася сигарету.— Подождите меня здесь, я скоро вернусь.

И, осторожно притворив за собой дверь, он исчез в ночной тьме.

Моффет уже стал подремывать, когда Мюкайя наконец вернулся. Вместе с ним в кухню протиснулся широкоплечий длиннорукий бородач, похожий на добродушного орангутанга. Голову его украшала пестрая жокейская каскетка.

— Салют, товарищ! — сказал он громким шепотом.— Это ты бросаешься долларами направо и налево?

— Только налево! — отшутился Моффет.

Мюкайя завесил окно одеялом.

— Я слушаю тебя,— сказал бородач, стянув каскетку и присаживаясь на корточки. Голос его звучал властно, добрые глаза светились умом.— Так в чем дело?

— Я голландский журналист,— повторил Моффет.— Собираю материал для книги о борьбе с расизмом. Я хотел встретиться с партизанами и здесь, в Родезии, и по ту сторону Замбези. Но за мной установили слежку. Я снял шпика по пути к вам. Вы можете подобрать его за фабрикой, у фотоателье.

— Понятно,— задумчиво произнес бородач. Он так и не назвал своего имени.— Ты коммунист?

— Мне грозит арест.— Моффет уклонился от ответа.— В гостиницу возвращаться опасно. Остается один выход — пробираться на север, в Танганьики или Аталию. Без вашей помощи мне не выбраться. На этот случай мне и дали в Кейптауне адрес и пароль. У Джошуа.

— Лучше, конечно, в Аталию,— предложил Мюкайя.— Там вы сможете быть уже завтра к вечеру.

— Ты сам виноват во всем, сынок! — укоризненно сказал родезийский двойник кубинских барбудос, жестом отказываясь от предложенной сигареты.— Не надо было раздавать деньги у всех на виду кому попало. Да еще такие деньги! Удивляюсь, как тебя сразу не сцапали ищейки Си-Ай-Ди! Уголовная полиция,— пояснил он.— Они кишат повсюду.

— Что теперь говорить! — вставил Мюкайя.

— Пожалуй,— согласился бородач.— Но чем скорее ты исчезнешь из Родезии, сынок, тем лучше. Мы доставим тебя к партизанам, а там дело твое. Союз народа Зимбабве позаботится о тебе. Расизм — наш общий враг!

Африканец поднялся во весь рост, почти упираясь головой в покрытый плесенью потолок. Голос его звучал буднично просто.

— Прощай, сынок! Утром мы доставим тебя в горы.

Пожав Моффету руку своей длинной волосатой лапой, бородач повернулся к хозяину:

— Проводи меня, Мюкайя, а то я опять вытопчу твою кукурузу!

Из-за ситцевой занавески, которая закрывала проход из кухни в жилую комнату, доносился храп и бормотание спящих. На улице член подпольного комитета ЗАПУ, обняв Мюкайю за плечи, шепнул ему:

— Назад не возвращайся. Жену и детишек мы укроем. К партизанам его не вози, а переправь прямо в Аталию, там разберутся. И передай: пусть хорошенько проверят все связи Джошуа. Ну а что касается переправы через Замбези, то действуй по нашей особой программе, ясно? Береженого бог бережет!

ОТВЕТНЫЙ УДАР

Они молчали, дружно подпрыгивая на сиденье, когда «лендровер» наезжал на поваленный ствол дерева или проваливался в вымоину. Усталое, серое от пыли лицо Мюкайи было спокойным. Короткие толстые пальцы с грубо обрезанными ногтями небрежно крутили баранку руля.

На всем пути от Солсбери они встретили лишь несколько военных грузовиков с резервистами и пару бронемашин. Редкие ячейки окопов были пусты. Полицейский патруль у Мэриленда, разгледев в машине белого в офицерской форме, пропустил «лендровер» без проверки документов. Только констебль, размахивая новенькой американской винтовкой, что-то прокричал им вслед.

Миновав Карои, городок из четырех улиц, населенный одними африканцами, они свернули с дороги и покатали по саванне вдоль правого притока Замбези. Не обнаружив в горах Умвукве партизан, Моффет принял решение добираться до Аталии кратчайшим путем.

— Куда они могли подеваться? — удивлялся Моффет. Найджел уверял, что террористы обосновались у подножья Килдонана.

— Наверное, отошли к Мозамбику,— решил Мюкайя.— Тем лучше, товарищ. Могут сгоряча пристрелить— ведь мы одеты как полицейские. Еще на прошлой неделе они были здесь.

Холмистая саванна походила на рельефный макет в школьном кабинете. Колочие кусты колебались в такт дыханию степи, горный можжевельник издавал легкий запах хвои. Причудливые нагромождения гранитных глыб напоминали остатки алтаря, воздвигнутого в честь неизвестного бога.

Мюкайя показал рукой на баобабы, столпившиеся вдали словно стадо слонов.

— Несколько лет назад здесь была деревня. У них был вождь, они делали красивые калебасы. И особой нужды не терпели: земля здесь очень плодородная. Но ее купила какая-то компания. «Де Беерс», кажется.

— И что же, вождь получил что-нибудь за землю?

— Нет. Оказалось, это государственная земля. Вождь думал, будто это ее хозяин. Ведь здесь жил его народ. Но он узнал, что им предоставляется резервация в другой провинции. Там он умер от огорчения. А кто говорит, отравился ядовитым растением. Таких здесь не росло.

— Представляю, как ты ненавидишь белых! — сочувственно кивнул Моффет. — Сколько их на твоём счету?

— Белые бывают разные, — ответил Мюкайя, не поворачивая головы. — Черные тоже. Нельзя судить о человеке только по цвету кожи. У нас большинство полицейских — небелые. Очень глупые люди. Они стреляют в партизан. Потому что им много платят за это. А я не партизан, я шофер. Но я за справедливость. У меня двое детей. Я хочу — пусть они будут свободны и счастливы. Я хочу — пусть они кончат школу и выберут работу по душе. Поэтому я помогаю партизанам.

— И много в Родезии таких, как ты?

— Много, — односложно ответил Мюкайя, подминая колесами кусты акации. — Все, наверное.

— И ты уверен, что вы победите? — продолжал допытываться Моффет.

— Белым господам придется потесниться, — сказал Мюкайя. — Мы тоже ведь люди. А земля одна. Почему на Кубе негры, белые и цветные не ссорятся? Значит, можно всем жить дружно? Так будет и у нас.

— А коммунистов много среди партизан?

Но Мюкайя не успел ответить. Из-за холма вывалился вертолет и, сверкая гремящим винтом, устремился навстречу. «Алуэтт», — машинально определил Моффет марку машину. Вертолет развернулся боком и протрещал пулеметной очередью: они находились уже далеко за линией правительственных постов.

Мюкайя бросил «лендровер» в сторону, затем резко дал задний ход. Моффет схватил автомат, намереваясь открыть огонь, но Мюкайя локтем вышиб у него оружие из рук. Остановив автомобиль, он выскочил и стал размахивать в воздухе панамой. Моффет решил последовать его примеру и сорвал с головы шляпу.

Стрельба прекратилась. Разглядев, что под ним белый офицер и солдат-водитель, летчик, словно сокрушаясь, покачал в воздухе машину и взял курс на юго-запад.

— Пронесло! — с облегчением сказал Моффет, бросаясь на сиденье.

Он внимательно посмотрел на Мюкайю. Толстые губы африканца сморщились, словно от обиды или сдерживаемой усмешки. Его рубашка цвета

хаки взмокла от пота. «Судя по всему, — решил Моффет, — кафр принял атаку холостыми патронами всерьез и уверен теперь, что лишь чудом избежал смерти».

— Держи, друг! — он сунул спутнику в рот сигарету. — И гони всю, до Замбези осталось каких-нибудь десять миль!

— Не надо было стрелять, — укоризненно сказал Мюкайя. — Они бы сбросили бомбу. А их надо обманывать. Пусть не думают, что мы глупее.

Круглые щеки его подрагивали от возбуждения.

«Он прав, конечно, — согласился про себя Моффет. — Я увлекся и чуть было не переиграл. Хотя здесь-то Найджел сработал чисто, будет с чем явиться в Аталию!»

Внезапно Мюкайя резко затормозил и выпрыгнул из машины.

— Что там еще? — зевнул Моффет.

Мюкайя бросил на траву тряпку, чтобы не зазеленить брюки, и, став на колени, заглянул под машину.

— Они пробрили нам картер! — воскликнул он.

— Что ты выдумываешь? — удивился Моффет, неохотно вылезая из кабины. — Этого не может быть!

— Посмотрите сами, если не верите, — сердито предложил Мюкайя. Он язвно не отличался покладистым характером. — Масло так и хлещет!

Он поднялся и достал гаечный ключ. Моффет опустил на одно колено, нагнулся, и в то же мгновение ему показалось, будто небо треснуло и расколосось над головой. Ослепительный свет острой болью вспыхнул у него перед глазами и погас. Прижимая руки к лицу, Моффет ничком рухнул под колеса «лендровера».

КОЛДУН ВКЛЮЧАЕТ МАГНИТОФОН

— Ну, включай же! — нетерпеливо потребовал Моффет, когда Обвара наконец достал из сейфа плоский, как портсигар, магнитофон с маркой «Сони». Колдун присел к журнальному столику, осторожным движением снял предохранительную планку и повернул рычажок пуска. Его раскормленное лицо с насечками племени манелли на щеках выражало горделивое довольство, маленькие глазки поблескивали из-под толстых век. Он откинулся в кресле, забросил ногу за ногу и, задрав тупой носок модного ботинка, с чувством некоторого пренебрежения взглянул на белого гостя. Моффет оперся локтями на стол, весь обратившись в слух.

Послышалось шарканье ног, шум придвигаемых стульев, приветственные возгласы. Затем все стихло и зазвучал глуховатый, с властными нотками, мужской голос.

— Директор Управления национальной безопасности, — уважительно шепнул Обвара.

— Господа офицеры! — сказал шеф разведки и контрразведки Аталии. — Я собрал вас здесь на краткое совещание, секретный характер которого считают необходимым подчеркнуть, так сказать, особо. Нам предстоит обсудить вопрос о некоем Хенрике Моффете, голландском журналисте, прибывшем нелегально в нашу страну из Родезии. Сообщение по этому поводу сделает лейтенант Нкомо, проводивший расследование.

— Господа, я буду краток, — заявил сочный, чуть высокомерный баритон. — Дело, разумеется, не в том, что белый прибыл к нам нелегально. Это, как известно, не первый случай. Но Моффет возбуждал серьезные подозрения в подпольном центре ЗАПУ в Солсбери, куда обратился за помощью.

Во-первых, он сорил деньгами в Солсбери, дал сразу двести долларов для заключенных в Кентакки. Во-вторых, он слишком профессионально, с помощью специального оружия — фонарика с отравленной иглой, — убрал агента Си-Ай-Ди. Этот агент преследовал его якобы. В-третьих, вертолет, который обстрелял машину Мюкайя у реки Хуньяни, бил холостыми патронами. Мюкайя — опытный солдат, он обратил внимание на то, что пули не поднимают столбиков пыли на земле. То есть пульт-то просто и не было. А главное, господа, белый отлично знал это! Когда Мюкайя заявил, будто пробит картер двигателя, белый сразу же ответил: «Этого не может быть!». Тем самым он выдал себя! Наконец, в-четвертых, белый всем своим поведением возбудил подозрения у члена подпольного комитета ЗАПУ. Хорошо, что тот дал приказ переправить журналиста через Замбези так, чтобы тот не смог узнать тайну партизанской переправы!

— Твой Мюкайя так постарался, что бедняга чуть не отправился на тот свет, — раздался чей-то насмешливый голос.

— Я считаю, господа, — продолжал баритон, не обращая внимания на шпильку, — что Хенрик Моффет — шпион. Предлагаю установить за ним самое тщательное наблюдение, а еще лучше — сразу выслать его вон из страны!

— Кто намерен высказаться? — спросил директор УНБ.

Магнитофон несколько секунд шипел вхолостую, затем тот же голос предложил:

— Прошу, майор!

— Это наш! — Обвара ткнул пальцем в магнитофон. Рукав его рубашки задрался, обнажив изуродованную глубокими рубцами руку: в молодости колдун слыл азартным охотником за крокодилами.

— Я полностью разделяю мнение лейтенанта Нкомо. — Голос майора был гнусав и прешепетывал на согласных, выдавая в нем выходца из племени малёва. — Этого негодяя следует немедленно арестовать и судить народным судом как коварного агента мирового империализма! Прошу поручить это дело мне!

— Другие мнения будут, господа?

— Вряд ли это шпион, — подал кто-то реплику. — Для шпиона он действует слишком неосмотрительно. Тут скорее чувствуется журналистское позерство, любовь к сенсации. А как ему объяснили шишку на темени?

— Сказали, будто Мюкайя пытался выдать его португальцам, а партизаны отбили — только и всего, — ответил лейтенант Нкомо.

— Если желающих высказаться больше нет, решите мне, господа. — Голос директора УНБ звучал насмешливо. — Мне нравится ваш пылкий патриотизм, майор Джола, но я с вами не согласен, и не только потому, что у вас подозрение вызывает любой белый...

Магнитофон послушно воспроизвел негромкий, но дружный смех.

— У меня лично, господа, как и у большинства присутствующих, я вижу, — продолжал директор, — этот Моффет вызывает не больше подозрений, чем сам господин майор Джола. Да, он подарил в Солсбери двести долларов для заключенных — наших братьев. Это, насколько я понимаю, главная улика против него. Но тебе, лейтенант Нкомо, я тоже разрешаю совершить подобное преступление, как только ты очутишься в Солсбери!

Раздался новый взрыв смеха.

— А он у вас большой шутник, этот Зоуби! — угрюмо сказал Моффет, прикладывая ладонь ко лбу.

Головная боль усиливалась. Вентилятор беспомощно шуршал под потолком, лишь нагнетая, казалось, липкую духоту.

— Но вот другие факты. — Голос директора УНБ зазвучал сухо и деловито. — Установлено, что Хенрик Моффет действительно является прогрессивным журналистом. Его статьи не раз публиковались даже в коммунистической прессе. История с вертолетом еще ничего не доказывает. Версию о холостых патронах я отношу целиком за счет фантазии Мюкайя, а самый факт обстрела лишь свидетельствует, что этот Моффет чист, как дева Мария! Остается одна улика: дьявольски коварная, так сказать, расправа с ищейкой родезийской охраны. Ну, знаешь, лейтенант Нкомо, и я бы на его месте поступил так, и только так, потому что он не мог ни убить его, ни скрыться каким-либо иным образом. Солсбери — это вам не Париж! Я резюмирую: никакой слежки устанавливать за господином Моффетом нет необходимости, он вне подозрений. Господин Моффет — дорогой гость нашей республики, ему надлежит оказывать всяческое содействие и уважение. Таково, господа, мнение нашего президента. Я кончил. Если вопросов нет, можете разойтись. А вас, капитан Акуту, прошу остаться. У меня к вам несколько вопросов по текущей отчетности.

Обвара выключил магнитофон. Золотые перстни на его длинных коричнево-бурых пальцах с розоватыми, тщательно подпиленными ногтями, сверкали драгоценными камнями.

— Могу вас поздравить, сэр! — весело сказал колдун, явно щеголяя отличным английским произношением.

Диплом об окончании привилегированного колледжа висел в рамке на стене приватного кабинета, куда пациенты не допускались. Для них было отведено специальное помещение в боковой пристройке виллы, выдержанное в традиционном стиле. Тут стены были увешаны змеиными шкурками и связками звериных зубов. Посетитель трепетал, увидев склянки с таинственными мазями и настояками, красную тогу, чучела сов и прочий знахарский реквизит, переходивший из поколения в поколение. Обвара был колдун не только потомственный, но и самый преуспевающий в Аталии, о чем свидетельствовало наличие восьми жен и двух автомашин. Одну жену, впрочем, он получил в качестве гонорара за излечение туберкулеза, чем немало гордился. Во время войны Обвара овладел специальностью фельдшера и это, разумеется, благотворно сказалось на его практике колдуна-врачевателя. Тогда же он и был завербован разведкой далекого от Африки государства и стал ее резидентом в Аталии. Вторая специальность принесла предприимчивому колдуну доходный дом в окрестностях столицы и отняла покой. Каждое упоминание газет о необходимости национализации капиталистических предприятий в республике приводило Обвару в бешенство.

И жирное лицо его засияло детской радостью, когда Моффет сказал наконец:

— Ну что ж, все идет прекрасно, ты молодец, Обвара! Но надо торопиться. Высадка десанта намечена на послезавтра. Рассмотрим план действия боевых групп. Теперь я полностью уверен в успехе!

...Однако уверенность агента «Оссева брандваг» сразу бы поколебалась, знай он, что капитан Акуту после длительной беседы с директором УНБ завел особую папку с надписью: «Дело Хенрика Моффета по кличке «Призрак».

(Окончание следует)